

ОБ ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ЕГО МЕСТЕ В РЯДУ ДРУГИХ НАУК

Вадим Владимирович Макаренко

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 6 июля 2019 Принята к печати: 25 ноября 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем регионоведения – определению объектно-предметного поля новой научной дисциплины. В данной статье рассматриваются объект и предмет исследования в комплексном регионоведении, взаимоотношения между регионоведением и регионалистикой. Интерес к этой проблеме обусловлен становлением регионоведения и регионалистики как нового направления науки. Автор предлагает рассматривать регион как понятие, отражающее важнейшие свойства всех типов изучаемых явлений – областей, краев, стран, объединений стран и мира в целом – как геосоциальных систем. Несмотря на самостоятельность стран как акторов на глобальной сцене, все они являются составными частями мир-системы, будучи тесно связанными с ней, как и внутри себя, бесчисленными транзакциями, в совокупности составляющими суть явления, обозначаемого понятием регион, которое представляет собой территориально обусловленную (под)систему разделения труда. Все локальные подсистемы иерархически замыкаются на мир-систему, частями которой они являются. Мир-система – это предельный размер объекта в регионоведении, в зависимости от которого находится вся проблематика регионоведения.</p>
<p>Об авторе: к.э.н., заведующий кафедрой теории регионоведения, МГЛУ e-mail: makarenko.vadim@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: регион; регионоведение; регионалистика; мир-система; географическая среда; геосоциальный объект</p>	

Рассматривая проблематику «Регионоведения», важно определить, что такое регионоведение как наука. Регионоведение – это область общих представлений о развитии стран, объединений стран и мира в целом. Цель – объяснить закономерности развития стран в целом и выявить специфику развития каждой страны. *Регионоведения – это разработка базовых, теоретических понятий*, на которых строятся представления о состоянии и функционировании регионов (стран, объединений стран и мира в целом). Регионоведение включает изучение методов исследования регионов. Основная задача методологии любой науки заключается в обеспечении процесса познания системой строго выверенных и прошедших апробацию принципов, методов, правил и норм. В регионоведении дело усложняется тем, что это комплексная дисциплина, которая интегрирует много частных сторон объекта,

которые ранее изучались и до сих пор параллельно изучаются методами других наук. Общая методология науки применяется при решении задач, проблем конкретных наук. Предметом данной статьи является методология регионоведческих исследований.

Регионоведение – комплексная наука

Объектом исследования в регионоведении является географическая среда, как системная совокупность ландшафтной оболочки Земли и неотъемлемо вписанного в нее общества. Регионоведение, наряду с собственными методологическими установками, использует методы других наук для проведения регионоведческих исследований. Более того, междисциплинарные, а сейчас принято говорить, трансдисциплинарные исследования весьма плодотворны. Регионовед должен обладать обширными

теоретическими и практическими знаниями, чтобы иметь возможность широко применять системный, комплексный и сравнительный методы, как основные методы в регионоведении и регионалистике.

Объект регионоведения – геосоциальная среда, включающая в себя в единстве природу и общество, а именно: ее возникновение и развитие, а также законы и закономерности развертывания этого процесса на Земле. В этом плане регионоведение предлагает новую парадигму исследований, поскольку ранее все общественные науки объектом своего исследования считали общество, упоминая, безусловно, об отношении человека к природе, но не делая природу столь же важной частью объекта исследования, как и само общество. *Вектор регионоведческих исследований* устремлен в настоящее, поскольку задача регионоведческих исследований объяснить современное состояние общества, но, стремясь наиболее полно охарактеризовать свой предмет изучения, ту или иную страну, объединение стран или мир в целом, или какое-то частное отношение, регионоведение раскрывает генезис нынешнего состояния объекта, т.е. условия и факторы его появления, поэтому заинтересовано в глубоком понимании истории развития того или иного объекта, его генезиса. *Размах регионоведческих исследований* предельно широк, поскольку характер исследования требует сравнения и установления связи между процессами и явлениями буквально во всемирном масштабе, поэтому реально следует говорить именно о мировом комплексном регионоведении.

Регионоведение фокусируется на причинах неравномерности или неодинаковости развития стран, стремясь объяснить эти различия. Оно занято выявлением причин неравномерного развития, сводя это не к проявлению божьей воли, национального превосходства или экономического успеха, как это было в прежние века, а объясняя это совокупностью условий комплексного развития той или иной страны, а также особенностями ее взаимодействия с другими странами. Серьезное внимание к анализу факторов производства возникло сравнительно поздно, в XVIII–XIX веках. Пред-

течей регионоведения надо считать Адама Смита (1723-1790), чья работа «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776)¹ написана на классическую регионоведческую тему в рамках целостного (холистического) восприятия действительности², которое затем на какое-то время исчезнет. Тема неравномерного социально-экономического развития стран или объединений стран остается важнейшей для регионоведения и сегодня. Но, помимо этого, оно стремится ответить на другие важные вопросы. Что является драйвером (движителем) социально-экономического развития? Является ли стадийно-формационное развитие общей закономерностью? Чем отличаются формации? В чем причина региональной специфики развития? Почему в Европе произошел переход к капитализму, а в Азии капитализм возник только в результате внешнего воздействия уже как момент в развитии, вобравшей их в себя, но когда-то внешней по отношению к азиатским странам среды? Благодаря использованию каких механизмов становится возможным успех догоняющего развития? Каковы пределы

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf [Smith, A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov (The Wealth of Nations). Mode of access: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf]

² «У Смита был грандиозный, чудовищно грандиозный план. Он хотел, ни больше ни меньше, как дать миру целую социальную систему, охватить все стороны деятельности человека как социальной единицы. Он хотел показать, каким образом уединенный, изолированный человек (или раса), наделенный от природы немногими способностями, развивается и приобретает многие способности путем общения и сношения с такими же другими людьми (или расами); каким образом из дикаря-шотландца незапамятных времен вырабатывается просвещенный шотландец XVIII столетия». Яковенко В.И. Адам Смит. Его жизнь и научная деятельность. Биографический очерк. Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/202915> [Iakovenko, V.I. Adam Smith. Ego zhizn' i nauchnaia deiatel'nost'. Biograficheskii ocherk (Adam Smith. His Life and Scientific Activity. Biographical Sketch). Mode of access: <https://biography.wikireading.ru/202915>]

экономического роста той или иной страны? Ответ на эти и другие вопросы регионоведение дает через анализ закономерностей развития стран как геосоциальных объектов.

Объект и предмет исследования в регионоведении

Объект исследования – это некая объективная реальность, которая находится вне познающего субъекта, но при этом она не вполне независима от него, поскольку находится в тесном взаимодействии с ним, так как «выделение объекта осуществляется при помощи форм практической и познавательной деятельности, выработанных обществом и отражающих свойства объективной реальности»³. Отсюда необходимость теоретического обоснования объектно-предметной области регионоведения, поскольку в зависимости от того, как будет определена эта область, таковы будут направления и результаты исследований.

Теоретически у всех геосоциальных наук один объект исследования – это общество со всеми его связями и опосредованиями, включая широко понятую природную среду, частью которой является общество. В силу субъективности исследователя и различия исследовательских подходов различные науки по-разному видят один и тот же объект, поэтому они своими методами ограничивают ту часть объекта, которая достаточна для изучения своего предмета. *Каждая из общественных наук в обособленной ею части единого объекта выделяет свой предмет.* Например, политическая сфера является объектом исследования политологии. Вопрос, достаточно ли этого сегмента (сферы) реального геосоциального образования, чтобы сделать обоснованные выводы на счет предмета политологического исследования. Успех исследования во многом зависит, насколько полно охвачен объект исследования.

³ Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. [Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.]

Предмет исследования – это то, на что направлено конкретное исследование. Объективно исследователь не может взяться изучать объект полностью, поэтому должен сосредоточиться на каком-то определенном аспекте, грани реального объекта, которую каждое исследование стремится наиболее полно и точно отразить, постоянно соотнося ее с объектом. Но это можно сделать, если есть представление об объекте в целом, которое воспринимается исследователем как часть уже проделанной предшественниками работы, которая предварительно дана в теории. Любое исследование опирается на теоретические наработки, которые и составляют «исходную эмпирическую основу, которая включает множество зафиксированных в данной области знания фактов, достигнутых в ходе экспериментов и требующих теоретического объяснения; 2) исходную теоретическую основу – множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализированный объект теории; 3) логику теории – множество допустимых в рамках теории правил логического вывода и доказательства; 4) совокупность выведенных в теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания»⁴. Это – база, теоретические основы (онтология), и без такой кооперации ученых было бы невозможно детальное изучение объекта, поскольку бы каждый ученый начинал работу заново. Но это и чревато опасностями, поскольку дискурс (общее представление об объекте), возникающий в результате такого коллективного изучения, может оказаться неправильным или не совсем правильным. Предмет выбирается в зависимости от целей и задач исследования, но выбор, прежде всего, зависит от изученности вопроса и от тех методов, которые есть в арсенале науки и которыми должен владеть каждый исследователь. Но часто для достижения нового знания требуются новые методы. Сложность регионоведения в том, что оно понимает объект предельно широко, а увязка широты объекта и предмета исследования осуществляется за счет использования комплексного системного метода.

⁴ Ibid. С. 676-677.

Регионоведение – новая дисциплина

Регионоведение появилось в связи с изменением качества информационной среды, поскольку благодаря компьютерным базам данных стал доступен огромный объем информации различных наук, а сами они получили достаточную методико-теоретическую разработку, что позволяет заниматься комплексным рассмотрением предмета, тогда, как ранее достаточный объем информации по той или иной дисциплине, а тем более ее теоретические основы были доступны только специалисту, посвятившему долгие годы ее изучению. Информационные потоки, а также разделение труда в научных исследованиях были зарегулированы таким образом, что это блокировало междисциплинарные и межрегиональные исследования. В настоящее время поиск и отбор необходимого материала сейчас может происходить крайне быстро, что позволяет использовать огромный объем разнообразной и разноплановой информации для комплексного исследования.

С одной стороны, это – позитивно, поскольку перед исследователем открываются большие перспективы и можно принципиально иначе ставить многие вопросы не просто на стыке наук, а системно охватывая ранее самостоятельные области знания. С другой стороны, есть и негативные последствия: пока слабо развита система научных социальных институтов, мало исследователей – профессионалов и регионоведческих видов научно-познавательной деятельности, имеющих целью получить полное представление о конкретных странах, объединениях стран или глобальных процессах в мире, до сих пор многие ученые заявляют о своей узкой специализации, открепившись от регионоведения, объявляют себя экономистами, социологами, историками, или заявляют об еще более узкой специализации, например, на каком-то очень коротком историческом периоде или каком-то особом предмете исследования, поскольку такая узкая специализация еще и сегодня по инерции рассматривается как преимущество или признак научности исследования.

Место регионоведения в системе наук

Помимо новой информационной ситуации, важно понять, почему регионоведения не было, по крайней мере, в его нынешнем виде как комплексной научной и учебной дисциплины в советское время.

Является ли его появление в 1990-х годах данью моде, заимствованием с Запада, или же это – результат изменений в системе наук, в том числе и в отношениях между общественными науками в России? Могло ли перераспределение объектно-предметных задач исследования между геосоциальными (природно-социальными) науками, которое произошло в результате коренных социально-экономических и политических изменений в российском обществе, привести к высвобождению и кристаллизации такой объектно-предметной области исследований, которая обусловила появление новой науки – регионоведения? Обладает ли регионоведение, которое позиционирует себя как комплексная дисциплина, собственным объектом исследования и адекватным ему методом, или же оно лишь агрегирует (компилирует) знания о природно-социальных объектах, полученные другими науками? В зависимости от ответов на эти вопросы, формируется программа научных регионоведческих исследований.

Ответить на эти вопросы непросто. Среди регионоведов до сих пор нет единой в вопросе, что является объектом и предметом изучения в регионоведении. Цели и задачи, стоящие перед регионоведением, авторы формулируют по-разному. Можно спорить, является ли регионоведение одной из политологических наук, как указано в ФГОС по «Зарубежному регионоведению», или же оно относится к сфере экономической и социальной географии, которые имеют раздел экономическая география и регионалистика, или же – к экономике, где также есть раздел региональная экономика. На то, чтобы считаться науками-прародительницами регионоведения, претендуют общая и теоретическая география. Можно рассматривать регионоведение как направление исторической социологии, а также связать его с историческими науками

или исторической географией. Это свидетельствует о том, что регионоведение появилось на пересечении, или наложении друг на друга, объектно-предметных полей различных наук. Ясно, что это сближение связано не с тем, что эти дисциплины недостаточно дифференцировались в предшествующий период, а, наоборот, с тем, что представители разных наук в рамках своих компетенций предпринимают попытки осуществить синтез разнородных знаний о мире, который как объект исследований по своим масштабам и сложности далеко выходит за установленные прежде рамки частных наук. Иными словами, объект исследований сегодня стал настолько глобальным как с точки зрения охвата мира, как и с точки зрения его развития вглубь, что он требует нового уровня комплексности в своем рассмотрении.

Ключ к пониманию существа регионоведения лежит в определении того, что же является объектом исследования методами данной дисциплины. Сейчас определение категории регион⁵, которое является ключе-

⁵ «Советскими географами, даже в теоретических, не предназначенных для массового, популярного использования текстах, термин «регион» не применялся – вместо него использовалась дефиниция «район», что было связано с характерной для советской географии стратегией существования и развития, жидившейся на признании принципиальных различий и противоречий между СССР и капиталистическим Западом [Агафонов Н.Т., Лавров С.Б. О принципиальных различиях между капиталистическими и социалистическими районными территориально-производственными комплексами] и основанной на собственном противопоставлении «буржуазной» науке. Под «районом» в советской географии, как правило, понималась «территория по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью, целостностью составляющих элементов». При этом Э.Б. Алаев признавал, что «в большинстве зарубежных стран он не употребляется – ему соответствует термин “регион”», указывая на возможность использования понятия «регион» и в советской географии в тех случаях, если те или иные территории / пространства имеют признаки, которые «не позволяют подвести их под другие термины» [Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология]. Кирчанов М.В. Советская

вым для дисциплины, оказывается весьма спорным. Эти споры показывают, насколько разнятся точки зрения на существо и генезис регионоведения как научной дисциплины. Высказываемые взгляды – часто полярные. Отсюда появились расхожие утверждения, что регион – это не категория, а размытое (по сути, каждый раз конструируемое заново) понятие, содержание которого зависит от того, какого рода исследованиями занимается автор.

В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский определяют регион как «*образования, обладающие некоторой целостностью* или же спецификой (или «социокультурным кодом [понятие ввел Поль Видаль де ла Блаш], интегрирующим местную трансформацию природно-географических, геополитических, геоэкономических и других признаков»⁶). В таком виде это понятие можно приложить и к району в стране, и к

география как научная «прародина» современного российского регионоведения (проблема генезиса регионоведческих исследований) // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 153-159. [Kirchanov, M.V. Sovetskaja geografiia kak nauchnaia «prarodina» sovremennogo rossiiskogo regionovedeniia (problema genezisa regionovedcheskikh issledovanii) // *Regional'nye issledovaniia* (Soviet Geography as a Scientific “Ancestral Home” of Modern Russian Regional Studies (The Problem of the Genesis of Regional Studies) // *Regional'nyye issledovaniya*, 2015, No. 1, pp. 153-159.]

⁶ Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М., 2012. 519 с. [Dergachev, V.A.; Vardomskii, L.B. Regionovedenie (The Regional Studies). Moscow, 2012, 519 p.]. «Обзор множества дефиниций (понятия регион. – В.М.) показывает, что их сходство, по сути, исчерпывается пониманием региона как части некоего пространственно-целого» (Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика, 2014, № 1. С. 18-32. [Kireev, A.A. Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia. (The Concept of “Region” and Subject-Methodological Problems of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, No. 1, pp.18-32.]). Т.е. все, на чем сходятся регионоведы, это – то, что их объект носит «пространственный» характер, или так или иначе привязан к территории. В остальном, как и в других науках, объекты – это целостные сущности, обладающие определенным поведением.

самой стране, и к международной группировке, да и к миру в целом. Понятие регион у В.А. Дергачева и Л.Б. Вардомского не сильно отличается от того, что в советские времена называлось «районом», другое дело, что чисто семантически страну районом не назовешь, поэтому слово регион с его непрозрачной этимологией оказалось очень удобным «в качестве наиболее общего, родового обозначения любой единицы организации пространства, независимо от ее масштаба (таксономического уровня) и сущностной, качественной природы конструирующих ее связей»⁷. Конечно, в экономической географии, которая доминировала в советское время, район уже не был чисто административной единицей, произвольно сконструированной исключительно для удобства управления сверху⁸, а обрел внутреннюю целостность, отличался определенной внутренней организацией, которую эти авторы и определяют, как социокультурный код.

В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский считают, что «регионоведение изучает региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных и межрегиональных отношений», т.е. они позиционируют регионоведение предельно узко как один из аспектов изучения международных отношений. Получается, что, по Дергачеву и

Вардомскому, регионоведение – это описательная дисциплина, которая отличается от страноведения или краеведения лишь уровнем изучаемых ею объектов. Более того, регионоведение, по их мнению, не занимается объектами соответствующего уровня в целом, а сосредотачивается исключительно на процессах интеграции на уровне международных (наднациональных) регионов, т.е. объекты становятся интересными регионоведению лишь в том случае, если они участвуют в международных отношениях.

Такой подход заведомо лишает регионоведение серьезного научного потенциала, ставя его в один ряд такими с уже выведенными за грань науки вспомогательными описательными дисциплинами, как страноведение и краеведение. Последнее, как признают авторы, уже практически отдано на откуп «местным энтузиастам»⁹. В лучшем случае при таком подходе регионоведение – это направление подготовки кадров региональных администраций, занимающихся реализацией международных проектов, и носит исключительно практический характер. На это можно возразить, что даже подготовка кадров для различных направлений международных отношений должна носить более глубокий характер. Нельзя согласиться с позицией, что зарубежное регионоведение предназначено для обеспечения международной деятельности, как раньше востоковедение служило подспорьем для деятельности колониальных чиновников, разъясняя им, что можно и чего нельзя делать во вновь осваиваемых странах¹⁰. Не может быть современной науки с таким ограниченный объектом исследования: современный тренд развития науки – это интеграция, а не дифференциация наук.

Иной подход предполагает миросистемный анализ, который, рассматривая объект исследования, констатирует: «На-

⁷ Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика, 2014, № 1. С. 18-32. [Kireev, A.A. Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia. (The Concept of “Region” and Subject-Methodological Problems of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, No. 1, pp.18-32.]

⁸ «Районирование есть деление населённой территории на части – районы. Район от французского *rayon* – радиус, луч, то есть округ, или местность, очерченная неким радиусом, который уже в силу своего определения подразумевает центр». Родоман Б. Нужна ли России реформа административно-территориального деления? / Проза.ру. Режим доступа: <http://proza.moscow/2017/11/12/2065> [Rodoman, B. Nuzhna li Rossii reforma administrativno-territorial'nogo deleniia? (Does Russia Need a Reform of the Administrative-Territorial Division?) / Proza.ru. Mode of access: <http://proza.moscow/2017/11/12/2065>]

⁹ Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М., 2012. 519 с. [Dergachev, V.A.; Vardomskii, L.B. Regionovedenie (The Regional Studies). Moscow, 2012, 519 p.]

¹⁰ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 С. [Wallerstein, I. Mirossystemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.]

циональные государства (не говоря уже об субнациональных образованиях. – *В.М.*) не могут быть самостоятельной и самоценной единицей изучения, что бы нам не предписывала национальная гордость и министерства науки. Как в астрономии объект исследования в принципе един – Вселенная, так и в социальной исторической науке единицей исследования должна быть вся миросистема. Только в рамках миросистемы возникают и могут продуктивно исследоваться две основные институциональные опоры современности – государства и рынки»¹¹. Добавим, что это относится и к различным интеграционным объединениям.

Позиционируя регионоведение как описательную дисциплину, В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский пытаются в качестве методологической основы регионоведения представить регионалистику, как «междисциплинарную науку, синтезирующую пространственные подходы и изучающую объективные процессы регионализации (политической, экономической, культурной) международных отношений под воздействием факторов глобализации. Она изучает объективные (? – *прим. В.М.*) процессы формирования территориальных сообществ (межгосударственных, страновых и внутригосударственных), стремящихся наиболее эффективно использовать внешние и внутренние факторы развития и противостоять вызовам глобализации»¹². Однако предлагаемый ими обзор пространственных подходов – это не целостная концепция, или теория, а несистемный и некритический перечень многочисленных, в основном зарубежных, концепций регионального роста и развития. Они, главным

образом, связаны с тем или иным вариантом размещения производства, позиционируемого относительно рынков сбыта и источников сырья, особенностей расселения населения, как с фактором ускорения экономического роста того или иного района (региона) страны или мира (отсюда и название «регионалистика»: по модели публика – публицистика, регион – регионалистика). В этом плане регионоведение, а тем более регионалистика оказывается в лучшем случае частью экономической науки, занимающихся современностью. Причина такого формально прагматического методического подхода В.А. Дергачева и Л.Б. Вардомского заключается в их отказе от попыток критического развития (преодоления) теории общественно-экономических формаций, или замены ее какой-то другой, органичной и целостной концепцией. Среди рассмотренных ими концепций регионального развития марксистская теория общественно-экономических формаций вообще не представлена, если не брать краткого обзора концепции Им. Валлерстайна, о марксистских наклонностях которого не сказано ни слова. С таким методологическим подходом трудно согласиться.

Понимание системных процессов, какими являются модернизация, глобализация, регионализация и другие процессы в современном мире, как особенностей развития мир-системы требует, чтобы объектом изучения в регионоведении была сама мир-система, а в центр внимания были поставлены законы или закономерности ее генезиса и развития, смена формаций и стадий в ее развитии, как правило, сопровождающаяся сменой страны-лидера. Изучение этих, безусловно, теоретических проблем и должно составлять основу теории регионоведения, а отнюдь не текущее социально-экономическое и политическое состояние регионов специализации, на что обычно ориентируют регионоведов. Проблема не в нынешней эпохе глобализации, которая охватывает весь мир, затрагивая социально-экономические и политические процессы во всех его уголках, а в том, что эта новая эпоха (стадия в развитии капитализма),

¹¹ Дерлугьян М.Г. Самый неудобный теоретик // Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. С. 5-42. [Derlug'ian, M.G. Samyi neudobnyi teoretik. (The Most Inconvenient Theorist). In Wallerstein, I. Mirosistemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS:LENAND, 2018, pp. 5-42.]

¹² Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 С. [Wallerstein, I. Mirosistemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.]

какими в свое время были эпохи колониализма и империализма¹³, представляет собой новую стадию в развитии современной мир-системы, поэтому невозможно изучать наднациональный уровень, или любой другой уровень, или даже единичные объекты (поселения, города, агломерации), в отрыве от национального, регионального (наднационального) и мирового уровней, как невозможно изучать часть в отрыве от целого.

В каждый конкретный период исторического развития мира в содержание понятия мир-система вкладывается разный по географическому охвату смысл: античный мир включал Ближний Восток, Северо-Восточную Африку и часть Средиземноморья, мир европейского феодализма был практически ограничен Западной и Центральной Европой, только в XVI веке мир-система капитализма стала всемирной, хотя еще долгое время этот охват мира был поверхностным, и только сейчас она включает весь мир на существенную глубину, что получило название глобализма.

Соответственно, не может быть геосоциальных наук, которые занимаются изучением отдельных уровней или объектов, т.е. не может быть ни глобалистики, ни регионоведения, ни страноведения, ни краеведения как самостоятельных научных дисциплин, но эти уровни развития мир-системы являются предметами исследования в регионоведении.

Глобальный (всемирный), региональный (чаще всего, континентальный) и национальный уровни – это основные структурные уровни, на которых развертывается и функционирует нынешняя целостная глобальная (по охвату мира как вширь, горизонтально, так и вглубь, вертикально) система, которая едина во всех своих проявлениях, и только она может быть объектом научного (системного) исследования. При этом невозможно противопоставлять эти уровни один другому как первосте-

пенные или второстепенные, поскольку они присущи системе, которая не может функционировать, расти и развиваться без внутренней уровневой и территориальной дифференциации¹⁴, поэтому невозможно изучать только один уровень, не обращаясь к другим, один регион – без других. Не может быть краеведения в противовес страноведению, страноведения – в противовес регионоведению, а регионоведения – в противовес глобалистике. Хотя, безусловно, требование видеть объект системно предполагает выделение доминирующего в каждый конкретный момент в системе уровня (объекта на определенном уровне / стадии развития) как задающего направление развития всей системы. Таким уровнем в современном мире является глобальный уровень, но он не растворен в мире, а локализован в ядре современной мир-системы, которым является широко понятый Запад. Взаимодействие частей мир-системы осуществляется через глобальные по размаху международные отношения. Но это не означает, что можно недооценивать региональный (континентальный), национальный и даже субнациональные уровни.

Сегодня на примере политики президента США Д. Трампа мы видим, что внутренние проблемы США, даже можно сказать проблемы их отдельных регионов, серьезно влияют и трансформируют на международные отношения как в Северной Америке (НАФТА), так и в мире в целом (отказ от ТТП, ТТТИП, торговые войны, новые условия продолжения сотрудничества в рамках НАТО, выход из всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной проблеме). Но, решая проблемы своей страны, США используют для этого свои лидирующие позиции в ядре мир-системы, что ярко проявляется в эгоизме и парадоксальной ограниченности внешней политики США.

¹³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299-426. [Lenin, V.I. Imperializm, kak vysshhaia stadiia kapitalizma (Imperialism as the Highest Stage of Capitalism) // Lenin, V.I. Poln. sobr. soch. Vol. 27, pp. 299-426.]

¹⁴ Ядро – полупериферия – периферия – это одновременно и уровневая, и территориальная дифференциация мир-системы, поскольку каждый уровень имеет свое геосоциальное воплощение, т.е. представлен регионом как интегральной частью мир-системы.

Системная природа мира

Между всеми частями системы современного мира существуют отношения взаимовлияния, хотя в системе есть доминанта, которая задает направление изменений, но и она испытывает обратное влияние. Такие образом, все части мир-системы под взаимным влиянием претерпевают существенные изменения, провоцируя дальнейшие изменения в мир-системе. Соответственно, любой предмет исследования, в качестве которого выделяется какая-то часть или какое-то отношение в системе, должен восприниматься как включенный в отношения со всей системой, являющейся по отношению к нему объектом исследования. Тенденции к глобализации, (международной) регионализации и локализации (включая национальный и субнациональный уровень) беспрестанно переплетаются, закономерно порождая или необходимо трансформируя части системы, которые в силу историко-географического и этнографического своеобразия зачастую оказываются уникальными объектами, или регионалистами разного рода. Регион как реальный объект, или регионализм, представляет обусловленную спецификой ландшафтно-хозяйственной ниши систему общественного разделения труда. Регионализмы – это постоянно модифицирующиеся части глобальной системы, которые в зависимости от своих свойств по-особенному преломляют в своем комплексном развитии воздействие внешних по отношению к ним факторов. Локальная система разделения труда модифицируется в рамках глобальной системы, или мир-системы. Но это не означает, что процесс развития мир-системы идет автоматически и без остановки, потому что подобные процессы, достигнув материальных пределов развития (исчерпания экологической емкости изолированных территорий), могут затухнуть, как это похоже сейчас происходит с нынешней Японией и ЕС. Конечно, мир-система вряд ли позволит им перейти в состояние гомеостаза, как когда-то это произошло с изолированной токугавской Японией во второй половине XVIII века, где в связи с исчерпанием

доступных ресурсов прекратился демографический рост.

Принципиальный, ключевой вопрос изучения любого объекта (страны, группы стран) – это вопрос о движущих силах развития мир-системы (мира) и ее частей. На него невозможно ответить, если объект исследования ограничен только обществом. Неудачной была марксистская попытка представить революции как «локомотивы истории». Прогрессивное развитие мир-системы как геосоциального образования предполагает существенный выход за рамки уже освоенной территории, именно значительное опережающее расширение географического пространства, доступного странам ядра системы для освоения оказывается решающим фактором смены форм организации самой мир-системы, которые преодолеваются как недостаточные, или даже враждебные для освоения этого дополнительного пространства. Таким образом, движитель развития мира заложен в данной обществу для освоения территории в начале Земли, а теперь дополнен и космосом, уже ставшим фактором нового уровня развития технологий. Ресурсная база доступной для освоения территории создает стимулы к развитию. Ее отсутствие кладет предел экономическому росту, как мы это видим сейчас в Европе и Японии, или Китае, который предпринимает отчаянный рывок в попытке расширить доступную ему для освоения территорию мира.

Регионалистика изучает регионоведческими методами внутрисистемные образования (регионализмы), в том числе и процессы изменения системы их территориального размещения (в связи с возникновением, исчезновением, трансформацией, в том числе и с изменением взаимного расположения, или перегруппировки составляющих их частей) производства в их пределах, чтобы создать их образ, рассматривая их как внутренние порождения (производные) мир-системы. Мир-система преобразует свою внутреннюю структуру за счет увеличения числа и сложности связей, дифференциации частей и особенностей локализации транзакций (в результате взаимодействия частей системы), в том числе и смены лидеров и

центров экономического роста, происходящей в конкретной географической и социальной среде.

Объект исследования в регионоведении должен охватывать явление полностью, во всем объеме, чтобы можно было видеть рассматриваемый предмет структурно как взаимосвязанное целое и во всех связях и многообразных опосредствованиях¹⁵ как самого целого, так и его частей. Соответственно, регионоведение не может быть полноценной наукой, если объект ее изучения понимается усечено. Вывод один: ни края, ни республики, ни страны или группы, или объединения стран не могут быть предельным объектом в регионоведении (конечными «единицами анализа»¹⁶), объект изучения един – это современный мир, или мир-система¹⁷, в рамках которой существуют все современные межгосударственные союзы и объединения, государства и их субнациональные образования, и институциональные и неинституциональные негосударственные акторы разного рода, типа партий, ТНК. Им. Валлерстайн дает определение мир-системе как предельному объекту изучения: «Миросистема представляет собой некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам»¹⁸.

Им. Валлерстайна определяет свою теорию как миросистемный анализ, т.е. объектом исследования в ней является мир-система. То, что мир-система представляет собой не просто пространственное, а определенное территориальное образование, т.е. именно материальное образование, яв-

ляется ее географической сущностью, а то, что она охватывает многие политические и культурные единицы, не существующие вне создающего их населения, – это ее социальная сторона. Мир-система и ее составляющие имеют одновременно и географический, и социальный (общественный) характер. Главные свойства мир-системы – ее двойственная природа и системность, последнее качество выражено в ее названии. Ландшафтная оболочка, или ландшафтнo-хозяйственная ниша, – это не окружающая среда для мир-системы, а неотъемлемая часть ее внутренней структуры, для которой характерна иерархичность и многоуровневость как в построении, так и в функционировании. Между частями этой системы складываются определенные отношения, для которых характерна устойчивость и повторяемость, что позволяет выявлять законы развития и функционирования системы. Закон – это «необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями»¹⁹.

Осознание сложности строения мира побудило российских географов «предположить существование науки, изучающей взаимодействие природных и общественных объектов в совокупности: общей географии, наряду с ФГ и ЭГ. Ее объекты – территориальные совокупности природных, социально-экономических и переходных между ними (природно-технических) систем»²⁰. Если переносить это определение на регионоведческую матрицу, то общая география должна была бы изучать те вопросы, которыми занимается регионоведение, а физическая география и экономическая (или социальная и экономическая) география – выполнять функции регионалистики, изучая объекты системы,

¹⁵ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Издательство Питер, 2002. 720 с. [Rubinshtein, S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* (Fundamentals of General Psychology). Saint-Petersburg Publishing house "Peter", 2002. 720 p.]

¹⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 С. [Wallerstein, I. *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie* (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.]

¹⁷ Ibid. С. 84.

¹⁸ Ibid. С. 85.

¹⁹ Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. [Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.]

²⁰ Экономическая и социальная география: Основы науки. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с. [Ekonomicheskai i sotsial'naia geografii: Osnovy nauki (Economic and Social Geography: Fundamentals of Science). Moscow: Gumanit. izd. Tsentri VLADOS, 2004. 400 p.]

создавая их характеристики. Это был важный шаг, но с учетом того, что он был сделан уже после распада СССР и падения коммунистической идеологии, это – шаг довольно-таки запоздалый, а главное односторонний, перегиб пошел в сторону географических наук, которым была отведена ведущая роль. Но изучение только географической и связанной с ним геоэкологической составляющих мира недостаточно, чтобы судить об объекте такого масштаба и такой сложности, каким стал современный мир, поскольку была недооценена (скорее всего, сознательно в силу политических предпочтений) его вторая – общественная – сторона, которая требует максимально полного представления об общественных процессах. Географы, рассчитывая перехватить пальму первенства, сделали чрезмерный упор на географическом подходе, дополнив его анализом лишь социально-экономических отношений, чего оказалось недостаточно. Причина в том, что экономическая социальная география (ЭСГ) традиционно крайне ограниченно включает в сферу своих исследований человеческое общество в его полноте, т.е. по сути географы отбрасывают политологию, социологию. Сторонники теоретической географии подчеркивают: «Теоретическая география мыслилась как теоретическая сердцевина пространственного анализа»²¹. Иными словами, они сводят изучение объекта исключительно к пространственному анализу, видя в этом специфику географического метода, но без анализа общества, которое как раз придает жизнь и звучание этому пространству, этот анализ не способен выявить причины развития и функционирования изучаемых системных объектов, он бессмыслен. Кроме того, определение объектов изучения в ЭСГ как «территориальных совокупностей... систем» также недостаточно, поскольку речь должна идти о единой системе. В ЭСГ речь идет мно-

жественных объектах, а не об единичном. И это неслучайно: «Наличие более или менее обособленного пространственного сочетания в ее пределах – главное основание для признания объекта географическим»²². Если теоретическая география занимается анализом особенностей размещения на местности множественных географических объектов, то миросистемный анализ, который рассматривается нами как, по сути, регионоведческий, предполагает единство и системную целостность изучаемого глобального объекта. Этим регионоведческий метод отличается от географического. Изменение месторасположения объектов не обусловлено лишь внутренними причинами, поэтому даже эту задачу невозможно решить вне расширяющегося контекста. Объект в ЭСГ не един и не единичен, потому что теоретическая география не может предложить инструментарий (метод) анализа объекта такого масштаба, который бы сам по себе охватывал весь Земной шар, несмотря на то, что на словах заявляет это: «Предельным объектом познания СЭГ является заселенная, освоенная или иным образом вовлеченная в орбиту жизни общества часть географической оболочки Земли с ее пространственными структурами хозяйства и формами организации жизни общества»²³. Заявка верная, но, чтобы выйти на этот уровень объектно-предметного анализа, надо теоретически объяснить, почему и как вся ландшафтно-экологическая оболочка Земли оказалась освоена человечеством таким образом, а как раз этого географы делать не собираются. В лучшем случае ЭСГ берется за объяснение особенностей наличного взаиморасположения хозяйственных объектов, или «территориальной организации населения и хозяйства» (см. схемы В. Кристаллера, А. Лёша и др.), но она не ставит перед собой цель объяснить, почему и как развивается мир, меняя свои формы или, наоборот, погружаясь в гомеостазис (застой), на какой-то

²¹ Шупер В.А. Похищение теоретической географии (по поводу статьи В.Л. Каганского) // Известия РАН. Серия Географическая. 2010. №2. С. 112-119. [Shuper, V.A. Pokhishchenie teoreticheskoi geografii (po povodu stat'i V.L. Kaganskogo) (Abduction of Theoretical Geography (on the Article by V.L. Kagansky) // *Izvestiia RAN. Seriya Geograficheskaya*, 2010, No. 2, pp. 112-119.]

²² Экономическая и социальная география: Основы науки. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с. [Ekonomicheskaya i sotsial'naya geografiia: Osnovy nauki (Economic and Social Geography: Fundamentals of Science). Moscow: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2004. 400 p.]

²³ Ibid. С. 9.

период утрачивая потенцию к прогрессу. Т.е., если сказать образно, вместо объяснения совокупности атмосферных процессов и ответа на вопрос, почему и как изменяются климат, предлагают ограничиться объяснением разнообразия форм снежинок, что, несомненно, интересная задача, но совершенно другого порядка. Продолжая метафору, можно сказать, что людей интересует прогноз погоды, но, по мере изучения климата, они начинают интересоваться прогнозом на предельно возможное время, что требует представления о климатических процессах в целом.

Части мир-системы и саму мир-систему, как бы они ни назывались в реальной жизни (районы, страны, блоки, союзы) как предметы изучения в регионоведении *следует называть регионализмами* в отличие от понятия регион как абстрактной категории, отражающей общие признаки, свойственные этим системным геосоциальным объектам. В своем реальном качестве материальных объектов действительности районы, страны, объединения стран (Ленинский район, Поволжье, Ульяновская область, Россия, ЕС) не нуждаются в каком-то ином дополнительном определении, потому что это внесет путаницу, как это и происходит сейчас. Но все они могут называться регионами как родовым понятием, обозначающим геосоциальные объекты, имеющие общие свойства: территориальную протяженность, конфигурацию, геоположение, население и другие свойства, которые находятся между собой в системных отношениях, связанных с воспроизводством жизни. Регион и регионализмы, включая саму мир-систему, соотносятся как общее (регион) и особенное (регионализмы), регион – более широкое понятие, а регионализм – более узкое²⁴, а реально существующие мир-система, с одной стороны, и районы, страны и т.д., с другой, соотносят-

²⁴ «Что значит дать “определение”? Это значит, прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие “осел” под более широкое понятие» (Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. 521 с. [Lenin, V.I. Materializm i empiriokrititsizm (Materialism and Empiriocriticism) // Poln. sobr. soch. (Full. Coll. Op.). Vol. 18. 521 p.]])

ся между собой как целое (мир-система) и части (районы, страны, блоки)²⁵. В действительности существуют сильно различающиеся между собой страны, союзы стран, части стран и мир-система (супер-регион), т.е. то, что можно потрогать, увидеть, ощутить непосредственно или через их активность (т.е. это – материальные объекты), а регионализм – это уже этап отражения реальности, это – составленное исследователями, системное представление (образ) о каждом из этих конкретных объектов, будь то район, страна или сама мир-система (т.е. это – идеальный образ, как отражение материального объекта). Регион – это понятие, указывающее на наиболее общие свойства объекта и его частей, являющихся объектом изучения в регионоведении, а регионализмы – это построенные определенным образом представления о территориально-временной дифференциации мир-системы (мира) и об образах конкретных геосоциальных объектов как о системных частях целого (предельного объекта, или широко понятой географической среды, или мир-системы, безусловно, геосоциальной по своей природе).

Изучая регионоведение, мы изучаем общие свойства мир-системы и образующих ее частей, а занимаясь регионалистикой, мы

²⁵ «Часть и целое – философская категория, выражающие отношение между совокупностью предметов (или элементов отдельного объекта) и связью, которая объединяет эти предметы и приводит к появлению у совокупности новых (интегративных) свойств и закономерностей, не присущих предметам в их разобщенности. Благодаря этой связи образуется целое, по отношению к которому отдельные предметы выступают в качестве частей. Категории часть и целое характеризуют также общее движение познания, которое обычно начинается с нерасчлененного представления о целом, затем переходит к анализу, расчленению целого на части и завершается воспроизведением объекта в мышлении в форме конкретного целого». (Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. [Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.]). Т.е. начиная с рассмотрения конкретного материального объекта через представление о нем как о регионе к описанию его как регионализма.

сосредоточиваемся на генезисе и особых чертах каждого конкретного геосоциального образования (района страны, самой страны, объединения стран и мира в целом), но понимаем каждый из них, как часть системы или систему целиком, которой присущи определенные свойства и законы функционирования и развития и которые соотносительно локально-временным обстоятельствам преломились в этом объекте. Части мир-системы, как, впрочем, и она сама, – это материальные объекты, как яблоки и груши, а их отражения – это регионализмы разного рода (фрукты): исторические – «Советская Россия», «милитаристская Япония», или современные – национальные: Россия, Япония, США, или наднациональные: ЕС, АТР, НАФТА, НАТО, или глобальные: современный мир. Смысл термина регионализм заключается в том, что каждое образование независимо от уровня его локализации и масштаба может быть понято только как часть более широкой (сейчас глобальной) системы, в рамках которой оно системно обособляется (локализуется) и принимает специфические, особенные формы (имеет особенные характеристики) в силу присущих ему свойств, характера отношений между системными элементами внутри и вне его, местоположения в системе и особого характера его связей с другими элементами системы.

Установить связи между элементами системы означает понять (выявить) законы функционирования этой системы. Понять законы можно, лишь изучая особенности возникновения и развития частей системы, а также законы смены фаз развития (или формаций) самой системы в целом. Мир-система – глобальна, но этот глобализм задается характером отношений (связей, транзакций) между единицами системы, а уровнем, который обеспечивает поддержание жизнеспособности, целостности системы являются семья (*household*), коммуна, страна (государство), в ряде случаев такое жизненно важное значение приобрели региональные объединения (ЕС), а сейчас это и мир в целом даже в его крайне несовершенной организационной форме, поскольку нынешнюю численность населения мира можно поддержать лишь на определенном

уровне отношений в мире, даже если отношения на этом уровне чреваты срывами, резкими изменениями и откатами. Аналогично в организме живых существ этими уровнями являются клетки, органы и системы органов, в том числе и сам организм: нарушение целостности процессов их функционирования смертельно.

Посмотрим на Японию. Эта страна с населением 126,26 млн. человек занимает четвертое место в мире по ВВП. Но объем ВВП, уровень жизни и стиль жизни населения страны определяется ее местом в мире, если Японию каким-то образом вырезать из этого контекста отношений (как сейчас из него исключена КНДР), то страна погибнет. Она уже не сможет вернуться к реалиям токугавской Японии, потому что утратила все свойства, которыми обладала в тот период. Вот уже действительно: в одну реку нельзя войти дважды. Мир изменился. В этом мире страны вынуждены жить, следуя его законам, либо неизбежны деградация и даже гибель. Это касается всех стран мира, даже Северной Кореи, несмотря на ее кажущуюся полную автаркию. Вектор изменений в мире четко направлен в одну сторону, несмотря на кризисы, потому что все страны адаптируются к условиям, в которых им приходится обеспечивать воспроизводство жизни у себя в стране. Только катастрофа, подобная Вселенскому потопу, может разрушить мир, заставить его начать все с начала, хотя возможны негативные локальные процессы регрессивного развития в отдельных частях мира в связи с деградацией экологической среды.

Регионоведение и регионалистика: взаимоотношения

Регионоведение занимается изучением свойств и законов функционирования и развития мир-системы. Регионалистика, как входящая в нее подотрасль знания, изучает, как и в каких конкретных формах в рамках этой мир-системы локализуются ее отдельные части, представляющие собой территориальные сгустки глобализации, или, если использовать оксюморон, сгустки глокализации (глокализация – это еще од-

ним вариантом определения того, что такое регионализм), или то, как в конкретных географических и временных обстоятельствах реализуются (и одновременно локализируются) закономерности развития мир-системы. Изучая любую страну на теоретической базе регионоведения, т.е. как геосоциальный объект, как часть мир-системы, подходя к этому комплексно, мы занимаемся регионалистикой. Сегодня даже изучение, казалось бы, очень конкретных аспектов жизни той или иной страны и даже ее субнациональных административных единиц невозможно вне мир-системного контекста.

Регионоведение занимается закономерностями функционирования и развития мир-системы, а регионалистика изучает отношения внутренних частей (регионализмов) этой системы и обстоятельства (локальные историко-географические, этно-социальные и политические), трансформирующие эти отношения внутри объекта или его частей. В зависимости от уровня локализации это могут быть поселения, районы, области, края, макроэкономические районы, страны, интеграционные и иные объединения стран, а также негосударственные акторы разного рода, каждый из которых является закономерным результатом развития мир-системы, но реализован через случайный набор локальных обстоятельств. Регионоведение, или мировое комплексное регионоведение, как наука, независимо от того, устоит или изменится это название, изучает развитие целостных геосоциальных (природно-социальных) объектов, которые, начавшись во времена ранней истории человечества с небольших по размеру локальных геосоциальных систем к настоящему времени не просто заполнили мир, охватив его полностью, но со времени Великих географических открытий вышли по охвату мира на глобальный уровень, превратившись в единую глобальную геосоциальную систему. Эта современная фаза развития мир-системы, раз возникнув и создав условия для колоссального роста экономики и населения мира, уже не может откатиться назад ни количественно, ни организационно, ни по характеру функционирования без колоссальной, вселенской катастрофы (типа

всемирного потопа или ядерной войны), как это случалось в истории с системами меньшего масштаба.

Парадоксально, но именно с появлением современной мир-системы в XVI веке²⁶ развитие человечества впервые стало одноканальным, тогда как до этого оно в силу географической обособленности цивилизаций и множественности ниш развития было полицентричным, или многоканальным²⁷. После революции 1917 года и появления социализма как новой формы организации части мира (одного геосоциального объекта) у одних появилась иллюзия, а у других возникло опасение, что она возобладает, позже родилась идея длительного параллельного развития двух типов регионализмов (капитализма и социализма), сосуществования двух мир-систем, которые мыслились как антагонистически обособленные, а вместе с тем и предположение о возможности движения по двум путям развития, но после серии смертельно опасных кризисов к середине 1980-х годов стало ясно, что эта иллюзорная возможность скорее опасна, чем перспективна. Кризис и падение так называемой «социалистической системы» снова поставили гегелевский вопрос о конце истории²⁸, поскольку до этого их противоположность связывалась

²⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 С. [Wallerstein, I. Mirostistemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.]

²⁷ “In the 16th century a new, planet-wide, human-driven evolutionary experiment began which will continue to play out indefinitely. What plate tectonics did over tens of millions of years is being undone by shipping in a few centuries and aviation in a few decades. We are creating a new Pangaea.” (Lewis, S.L.; Maslin, M.A. How Disease and Conquest Carved a New Planetary Landscape. Migration and a Global Shipping Network Have Flattened Biodiversity Worldwide // *The Atlantic*, Aug. 24, 2018. Mode of access: https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/08/human-planet-migration-columbian-exchange/568423/?utm_source=fbb)

²⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> [Fukuyama, F. Konets istorii? (The End of History). Mode of access: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>]

в основном с антагонистичностью их идеологий, в которых видели семена раздора и, вместе с тем, возможных перемен, но реально развитие упирается в ограниченность ресурсов доступных территорий, которая на самом деле была снята борьбой этих систем, приведшей в результате максимального напряжения к началу космической эры. Уже сегодня освоение околоземного пространства вносит огромный вклад в прогрессивное развитие мир-системы, выходящей на новые рубежи постиндустриальной эры.

В свое время, когда уасла греческая цивилизация, а затем погибла Римская империя, а подобные процессы случались и в Азии, и в Америке, новая динамика развития была привнесена в эти застойные зоны из Центральной Азии, обладавшей на тот момент потенциалом развития, позволявшим им охватывать и включить в новый цикл развития эти загасшие зоны. Остановка в развитии изолированных конфуцианских цивилизаций Дальнего Востока была преодолена с приходом Запада в эту часть света, который вывел их из изоляции, включив в свою орбиту.

В процессе изучения мир-системы все остальные, прежде самостоятельные, отрасли знания: ЭСГ, социология, политология, история, этнопсихология, – теряют свою самодостаточность и самостоятельность, поскольку вне методологических рамок регионоведческого системного анализа они не могут дать верный ответ на вопросы о природе объектов, изучением которых они традиционно занимались. Эта утрата ими самостоятельности одновременно есть позитивный процесс преодоления разобщенности геосоциальных наук.

Можно обсуждать, насколько само слово «регион», означающее «часть чего-то», а иероглифических языках прямо указано, что это – «часть территории» (например, в японском языке в слове «тиику», буквально: «часть земли»), подходит для использования в качестве основы названия науки и учебной дисциплины о закономерностях формирования целостных, хотя первоначально не охватывавших всю Землю систем, и их превращения в единую и глобальную по охвату земного пространства мир-систему

в результате стадиально-регионального развития мира. Чисто семантически это слово не подходит, но в языковой практике слово регион в отличие от слов страна, район, объединение государств не столь этимологически прозрачно, но явно связано с объектом, имеющим пространственные характеристики, поэтому может быть использовано для использования в качестве термина, который сам, естественно, должен быть точно определен, но чье семантическое значение должно быть приглушено. Собственно, так и обстоит дело с названием этой отрасли знания: Им. Валлерстайн предпочитает называть это направление исследований «миросистемным анализом», Рендал Коллинз – «макроисторией, или социологией большой длительности»²⁹, российские географы – «экономической, социальной и политической географией», подчеркивая при этом, что «это не три самостоятельные науки, а название всего комплекса общественно-географических наук»³⁰. Важно то, что всеми при этом равно признается, что объект исследования «имеет предельную масштабность». Р. Коллинз сформулировал принципиальное предложение о рамках в которые должен вписываться объект исследования в принципе: «... что-либо крупное с обширными связями может быть поставлено в центр рассмотрения не иначе как с использованием еще более широкой перспективы»³¹.

В России обстоятельства сложились так, что используется слово регион, а научное направление получило название регионоведение. Регион – это геосоциальное образование, которое изначально возникает как внутренне целое, системное образование, способное к развитию (количественному

²⁹ Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М., УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с. [Collins, R. Makroistoriia: Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti. (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Duration) Moscow: URSS: LENAND. 2015. 504 p.]

³⁰ Экономическая и социальная география: Основы науки. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с. [Ekonomicheskaiia i sotsial'naia geografiia: Osnovy nauki (Economic and Social Geography: Fundamentals of Science). Moscow: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2004. 400 p.]

³¹ Ibid. С. 23.

росту, усложнению внутренней структуры, сложности связей между частями) по мере освоения охватываемой им территории. Таким образом, сама категория регион как категория, отражающая наиболее существенные свойства объекта изучения, требует ее терминологически точного определения, но в принципе содержание этой категории непосредственно не связано с семантическим значением слова регион. Терминологически точное и принятое (признанное в научном мире) определение понятия регион позволит перестать путаться в бесконечных вариантах его нетерминологического использования. Термин Им. Валлерстайна «мир-система» наиболее адекватно передает существо объекта исследования, в то же время следует понимать, что это явление, которое развивается во времени сохраняя свою тождественность, т.е. свою природу, когда не одна мир-система меняет другую, а преобразуется сама мир-система, при этом оставаясь тождественной самой себе.

Принципиально важно, что регионоведение появилось в результате преодоления ограниченности научно-отраслевых подходов к анализу реальности. На Западе это происходило более органично, по мере расширения страноведческих исследований. У нас в стране преодоление ограниченности научно-отраслевых подходов было связано с преодолением относительно догматической трактовки законов развития общества в рамках исторического материализма («истмата»). Это началось в советские времена. Движение в этом направлении шло с разных сторон.

Особенно мощным стимулом для этих перемен, как и на Западе, было изучение стран третьего мира (развивающихся стран), которые демонстрировали массу особенностей в своем развитии, которые не укладывались в традиционные теоретические представления. Но для СССР и США это была далеко не абстрактно-теоретическая задача, поскольку страны не только противостояли друг другу, но и боролись за влияние в странах, освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости. Часть из них выбрала путь модернизации и даже вестернизации с упором на рыночные модели

развития экономики, а часть предпочла путь социалистической ориентации, что в идеале должно было привести их в лагерь социализма. Но на деле это был очень непростой вопрос, поскольку прогнозы и политические ожидания часто не оправдывались как в том, так и в другом случае. Например, в случае выбора просоветской ориентацией Египтом, который после поражения в войне 1973 года переориентировался на Запад, но при этом сохранил весьма своеобразную политическую систему, не вписывавшуюся в каноны ни Запада, ни Востока.

Теоретическое востоковедение в СССР раньше других заговорило об особых путях развития стран Востока. Сегодня разработки востоковедов, которые занимались третьим миром, лучше всего объясняют и собственный «российский феномен» (постсоветскую Россию как регионализм – *В.М.*). Процесс расширения, или глобализации мир-системы, которая все больше пронизывала мир, проходил путем синтеза, т.е. «соединения «местного» и «пришлого»³². Но важно подчеркнуть, что теоретическое осмысление проблем развития стран третьего мира в СССР не подразумевало отказа от формационной теории, хотя и было осознано, что общественное развитие идет не путем последовательного повторения этапов пути стран-лидеров капитализма³³, а по своим собственным моделям развития, которые обеспечили им возможность догоняющего развития благодаря ускоренному становлению национального капитализма и последующего перехвата лидерства, что и произошло в США, Германии, Японии, а затем в азиатских странах-драконах. Т.е. модель межформационного перехода в странах каждой новой волны догоняющего развития (или геокультура) существенно отличается от ее реализации в разных странах,

³² Симония Н.А. Избранное. М.: «Издательство «МГИМО-Университет», 2012. 762 с. [Simoniia, N.A. Izbrannoe (Selecte Works). Moscow: «Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2012. 762 p.]

³³ Н.А. Симония: «Мне нравится формационная теория, но не в примитивной трактовке. То есть я не имею в виду последовательную смену формаций в каждой отдельной стране» (Ibid. С. 713).

что и понятно: цели у стран одни – создать устойчивую экономическую модель, способную функционировать в конкретных условиях, создаваемых как внутренним базисом, так и внешним окружением, но они по-разному реализуются в Британии, Франции, России, Японии или Корее, прежде всего, в зависимости от уровня развития самой мир-системы. То же соотношение, что между регионом и регионализмом: регион – это теоретическая модель объекта, а регионализм – это локально-временное (или стадийно-региональное) воплощение этой модели на практике.

Другим был путь, по которому шла в СССР экономическая и социальная география, в рамках которой нельзя было избежать учета географических и геополитических аспектов развития даже на материалах развития СССР и других стран социализма, где также было очевидно, что пространственные факторы оказывают существенное влияние на развитие: «При этом, советские географы, формально пребывая в рамках идеологически и политически выверенного лояльного (истматовского³⁴ – В.М.) дискурса, фактически писали о регионах и регионализации, используя иные термины и определения («пространственная организация общества», «пространственные соотношения развивающихся территориальных объектов», «пространственная дифференциация» и даже почти несветская «география образа жизни»), ссылаясь при этом на В.И. Ленина и на решения очередного партийного съезда, дабы не быть обвиненными в отступлении от принципов марксизма-ленинизма»³⁵.

³⁴ Истмат – сокращение от исторический материализм.

³⁵ Кирчанов М.В. Советская география как научная «прародина» современного российского регионоведения (проблема генезиса регионоведческих исследований) // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 153-159. [Kirchanov, M.V. Sovetskaia geografii kak nauchnaia «prarodina» sovremenogo rossiiskogo regionovedeniia (problema genezisa regionovedcheskikh issledovaniia) // *Regional'nye issledovaniia* (Soviet Geography as a Scientific “Ancestral Home” of Modern Russian Regional Studies (The problem of the Genesis of Regional Studies) // *Regional'nye issledovaniya*, 2015, N1(47), pp.153-159.]

Есть еще одна причина, которая заставляет рассматривать регионоведение как фундаментальную науку, изучающую на максимально широком временном срезе и предельно в пространственном отношении разнообразные материальные геосоциальные образования, она состоит в том, что с политическим отказом в начале 1990-х годов от идеологии марксизма-ленинизма в нашем обществе, в частности в гуманитарных науках, возник онтологический вакуум, поскольку из научного оборота исчезла общая теория общественного развития. Исчезла марксистская формационная теория, бравшая исключительно в свои руки задачу изучения закономерностей развития общества. Причем это произошло именно тогда, когда общественные науки в СССР практически преодолели организационные и иные ограничения, препятствовавшие их развитию, а теория общественного развития стала предметом научного, а не партийного анализа³⁶. В 1990-ые годы сложившаяся в России в рамках марксистского учения теоретическая основа отечественных школ общественных наук была отброшена без какого-либо рационального преодоления (критики) как политический акт.

³⁶ Н.С. Хрущев уже не имел претензий на то, чтобы считаться теоретиком марксизма-ленинизма. Развенчание культа личности И.В. Сталина положило конец процессу возведения лидеров в сан теоретиков марксизма. Вопросы теории были отданы на откуп академическим институтам АН СССР. Только отдельные, с хорошей закалкой, сотрудники ЦК КПСС сохраняли претензию на монополию в теоретическом освоении мира. Это ярко проявилось в случае с публикацией крамольной по тем временам теоретической работы Н.А. Симонии «Страны Востока: пути развития» (М., 1975), когда Р.А. Ульяновский, тогда заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС, не довольный, что ученые занимаются теорией («Во-первых, его очень раздражало, что я занимаюсь теорией», – Н.А. Симония), предпринял усилия, чтобы подавить это «теоретизирование», но не был однозначно и солидарно поддержан аппаратом ЦК КПСС, что было практически немисливо в прежние времена (См. Симония Н.А. Избранное. М.: «Издательство «МГИМО-Университет», 2012. С. 717-720. [Simonii, N.A. Izbrannoe (Selected Works). Moscow: «Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2012. Pp. 717-720].)

Это разрушило потенциальную системность знания о развитии общества, и, хотя эту нишу попытались заполнить другие науки, они не обладали достаточной интеграционной способностью. Из-за этого нынешнее здание общественной науки в России состоит, образно говоря, из холлов, переходов, залов и даже целых этажей, чаще построенных по западным архитектурным наброскам, которые свободно парят в воздухе, не будучи связанными между собой и уж точно не имея основания. Сейчас даже при желании нельзя заниматься краеведением, страноведением и регионоведением как самостоятельными идиографическими частными дисциплинами, поскольку нет общей теории общественного развития, которой с известными ограничениями являлся в советское время марксизм-ленинизм и созданные на его основе теории и концепции общественного развития. Парадоксальным образом, в силу логики идеологической борьбы (в том числе и борьбы научных школ) противоречием истмату стала не новая теория развития формаций, а показавшаяся на примере западных штудий более научной, якобы не догматизированной, «теоретическая география», порой ее именуют «общей географией». Но, видимо, чтобы снять остроту, или из-за табуированности марксизма-ленинизма, ее противопоставляют не самой теории формаций, с которой по существу ведется спор, а страноведению или районоведению как некое теоретическое (номотетическое) направление описательным (идиографическим): «Теоретическая география, в противоположность страно- и районоведению, есть чисто номографическое (законоизлагающее) научное направление, которое стремится выявлять и исследовать самые общие проблемы, понятия, закономерности, объединяющие все географические науки, *изучать территориальные аспекты взаимодействия человека с природой* (курсив мой – В.М.), вырабатывать общие методы моделирования различных географических явлений»³⁷. Дело не в террито-

риальных аспектах взаимодействия, поскольку географические факторы системно влияют на развитие общества, будучи частями одной с ним системы, поэтому невозможно свести общественное развитие (развитие общества), имеющее двойственную геосоциальную природу, только к географии (геоверсуму, т.е. некоторому географическому единству, упирая при этом именно на доминанту географической проблематики), или, в лучшем случае, к ЭСГ или гуманитарной географии. Вряд ли продуктивна позиция отрицания роли общественных наук лишь на основании того, что был период, когда «в научном сообществе возобладали тенденции рассматривать развитие общества независимо от живой природы, которая воспринималась как нечто статичное, всего лишь как объект приложения творческих усилий человека, направленных на ее преобразование и подчинение интересам общества»³⁸, – задача состоит именно в преодолении этого периода, а не в отбрасывании всего, что с ним связано. Былая абсолютизация производственных отношений, недооценка роли географического фактора – еще не повод перегибать палку в сторону географической составляющей в развитии общества, объективно верно представляя ее в качестве доминанты, но далее доводя это до противоположной крайности. Некритический скептицизм в отношении социально-политических наук не допустим.

okhrany prirody i rekreatsii (Objective Processes of Formation of Areas and Rational Organization of the Territory for Nature Protection and Recreation). Diss. Moscow: IG AN SSSR, 1990. 46 p.] – цит. По: Шупер В.А. Похищение теоретической географии (по поводу статьи В.Л. Каганского) // Известия РАН. Серия Географическая. 2010. № 2. С. 112-119. [Shuper, V.A. Pokhishchenie teoreticheskoi geografii (po povodu stat'i V.L. Kaganskogo) (Abduction of Theoretical Geography (on the Article by V.L. Kagansky) // *Izvestiia RAN. Seriya Geograficheskaya*, 2010, No. 2, pp. 112-119.]

³⁸ Шальнев В.А., Талалакина А.А. Географическое пространство; сущность, проблемы и пути решения // Вестник Ставропольского университета. 2011. № 77. С. 142. [Shal'nev, V.A.; Talalakina, A.A. Geograficheskoe prostranstvo; sushchnost', problemy i puti resheniia. (Geographical Space; Essence, Problems and Solutions) // *Vestnik Stavropol'skogo universiteta*, 2011, No. 77, p. 142.]

³⁷ Родоман Б.Б. Объективные процессы формирования ареалов и рациональная организация территории для охраны природы и рекреации. Авт. дис. д.г.н. М.: ИГ АН СССР, 1990. 46 С. [Rodoman, B.B. Ob'ektivnye protsessy formirovaniia arealov i ratsional'naia organizatsiia territorii dlia

Географы попытались, но не смогли занять место «истматовцев» в качестве носителей системного (общего, теоретического) знания об общественном развитии из-за того, что попытались, ради якобы более объективного анализа, свести геосоциальные образования к геопространству. Геопространство они понимают, как «философскую концептуальную категорию, как объективную, всеобщую и познаваемую форму (курсив мой – В.М.) существования материальных географических образований и объектов в пределах геOVERСУМА»³⁹. Не понятно, почему было решено использовать понятие пространство, которое обременено многими смыслами. Более того, что оно является философской категорией с очень детально разработанными коннотациями. Видимо, это было связано с особенностями системы наук, изучавшими общество в советский период, откуда все, даже самые революционные определения: «Географическое пространство – форма существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки; совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени»⁴⁰. В советское время география могла быть и была необоснованно и совершенно искусственно ограничена изучением «*форм*

существования», а не самих географических объектов и явлений, чем собственно является все, что есть на Земле, а сами эти объекты и явления изучались в рамках исторического материализма, занимавшегося закономерностями развития «обособившейся от природы части материального мира», или общества⁴¹. Соответственно, сейчас это – разъединение географии и истории нужно снять, преодолеть, а не просто передать пальму первенства географии. Речь не идет только о разъяснении, почему так, а не иначе размещается производство, почему население в одном месте концентрируется, а другое покидает, почему так или иначе расположены полюса роста, а о комплексном объяснении, почему происходит смена стадий, формаций в развитии общества, почему лидерство переходит от одного района мира к другому, от одной страны к другой.

Мы пытаемся понять закономерности развития общества, поэтому речь должна идти не о пространстве как форме материи, а о самой развивающейся материи (географической среде, включающей человека), одной частью которой является ландшафтная оболочка Земли, которую мы воспринимаем в виде конкретной вполне материальной территории с определенными природно-климатическими и биотическими (ландшафтными) характеристиками, где что-то имелось изначально, было создано или размещено, или может быть размещено в будущем, а ее вторая часть – это вписанная в нее антропосфера. Причем эти обе стороны объективной – материальной – реальности функционируют связано, как целостная геосоциальная система. Вместе эти две компоненты составляют географическую оболочку Земли, или географическую среду. Это – целостная материальная геосоциальная реальность, которая существует как система. Входящая в ее состав территория, поверхностный слой Земли, вполне материальна, поскольку является формой, в которую облечена сама Земля, а не пространством как формой существования

³⁹ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 89. ГеOVERСУМ – это уникальное системное пространство Земли, возникшее в пределах географической оболочки истории человека (общества) и включающее в себя не только абиотические, биокосные компоненты природы, но и социально-техногенные (в том числе и духовные) компоненты общества. Географическая оболочка – основное понятие географии, в российской географической науке под этим понимается целостная и непрерывная оболочка Земли, где её составные части: верхняя часть литосферы (земная кора), нижняя часть атмосферы (тропосфера, стратосфера), вся гидросфера и биосфера, а также антропосфера – проникают друг в друга и находятся в тесном взаимодействии. Между ними происходит непрерывный обмен веществом и энергией.

⁴⁰ Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Под ред. А.Ф. Трёшников. М., 1988. С. 56.

⁴¹ Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. [Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.]

материи вообще. Пустого пространства быть не может, поскольку это – форма существования материи, а территория пуста по определению, если речь идет о жизни (растительности, биосфере и антропосфере), которая на ней возникает и развивается вместе с нею. Безусловно, ландшафтная оболочка оказывает влияние на развитие общества, но это влияние опосредуется системным взаимодействием общества с ландшафтной оболочкой, лучше ландшафтно-хозяйственной сферой, с которой они непрерывно взаимодействуя развиваются, как части одного целого.

Другая позиция у географов, так, по мнению М.М. Голубчика и его соавторов, «географическое пространство и время – основные формы существования геосистем. Пространственные отношения выражают порядок размещения одновременно существующих географических явлений и протяженность геосистем. Временные отношения – порядок сменяющих друг друга событий, а также их длительность»⁴². Это – идеалистическое представление, подмена слова материя на геосистема, и определения всеобщие формы материи на основные. Каждый объект обладает пространственно-временными свойствами, т.е. имеет размеры, конфигурацию и существует в конкретное время. Они вполне материальны. Объекты бывают простыми (ледниковые, речные, морфоструктуры, системы расселения и др.) и сложными (природные ландшафты) и интегральными (культурный ландшафт, функциональные территориальные системы). Но отвечает ли это на вопрос, почему мануфактура уступает место фабрике, а феодализм капитализму. Геосистемы имеют не только пространственно-временные, но конкретные сущностные формы организации: полочные часы – уже не часы. Это могут быть чисто природные формы: ледники, озера, реки, пустыни и др., или геосоциальные

формы: личное хозяйство (молочная или животноводческая ферма), коллективное хозяйство, предприятия, отрасли, ТНК, банки, разнообразные сети (от супермаркетов до компьютерных сетей). Это, с одной стороны, условно точечные («местные») объекты, но они как части, или как предпосылки противостоят территориальным («площадным») объектам своего рода. Природные объекты противостоят как предпосылки природным комплексным образованиям: ландшафтам, ландшафтными зонам, природным регионам, а геосоциальные объекты – геосоциальным комплексным образованиям: району, области, стране или союзу стран, миру в целом, которые системно объединяют все эти «точечные» и территориальные объекты меньшего масштаба в единое целое. В зависимости от многообразных свойств территориальных объектов, оказывающих влияние на организацию стран и мира в целом, точечные и территориальные объекты локализуются и группируются на земной поверхности (образуя регионы, или ареалы), а будучи связанными бесконечным числом транзакций в сети, они образуют целостные геосоциальные объекты, предельным из которых является мир-система, в рамках которых происходит прогрессивное регионально-стадиальное развитие частей системы от стадии к стадии и от формации к формации, или же эти части (государства или группы государств) пребывают в стагнации или деградируют, что является вариантом регрессивного развития.

Следовательно, чтобы изучать закономерности развития районов, стран, региональных объединений и союзов, необходимо развивать *теорию общественного развития как доминирующего системного процесса, происходящего в географической оболочке Земли*. Без этого невозможно всерьез ставить задачи понять мировые и региональные закономерности, страновые и локальные особенности⁴³. Последние задачи

⁴² Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н., Носонов А.М. Теория и методология географической науки. М.: Владос, 2005. 463 с. [Golubchik, M.M.; Evdokimov, S.P.; Maksimov, G.N.; Nosonov, A.M. Teoriia i metodologiya geograficheskoi nauki (Theory and Methodology of Geographical Science). Moscow: Vlados, 2005. 463 p.]

⁴³ Мировое комплексное регионоведение / под ред. Проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 416 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.]

невозможно решить, не имея теоретических представлений об общих закономерностях общественного развития, поскольку «...тот, кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натякаться» на эти общие вопросы. А натякаться слепо на них в каждом частном случае значит обречь свою политику на худшие шатания и беспринципность»⁴⁴. Но, чтобы решить, эту задачу нужно ставить открыто и прямо.

В результате регионоведение как научная дисциплина занимается изучением того, как возникают и как развиваются геосоциальные образования. Она оказывается теоретическим осмыслением природы, причин и закономерностей общественного развития как в мире в целом, так и составляющих его образованиях (частях), от локальных подсистем до региональных подсистем, которые, если мы обращаемся к ним в их конкретном воплощении, следует называть не регионами, а регионалистами. Мы не можем увидеть мир-систему иначе, чем через деятельность конкретных субъектов развития, через изменение окружающей среды, через взаимодействие частей этой системы, имеющих конкретные формы воплощения.

⁴⁴ Ленин В.И. Об отношении к буржуазным партиям. ППС. Т. 15, с. 368-388. [Lenin, V.I. Ob otnoshenii k burzhuaznym partiiam (On the Attitude to the Bourgeois Parties). Poln. sobr. soch. (Full. Coll. Op.) Vol. 15, pp. 368-388.]

Литература:

Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
 Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н., Носонов А.М. Теория и методология географической науки. М.: Владос, 2005. 463 с.
 Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М., 2012. 519 с.
 Дерлугьян М.Г. Самый неудобный теоретик // Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. С. 5-42.
 Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика, 2014, № 1. С. 18-32.
 Кирчанов М.В. Советская география как научная «прародина» современного российского регионоведения (проблема генезиса регионоведческих исследований) // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 153-159.

Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М., УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
 Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т.18. 521 с.
 Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299-426.
 Ленин В.И. Об отношении к буржуазным партиям. ППС. Т. 15, с. 368-388.
 Мировое комплексное регионоведение / под ред. Проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 416 с.
 Родоман Б.Б. Объективные процессы формирования ареалов и рациональная организация территории для охраны природы и рекреации. Авт. дис. д.г.н. М.: ИГ АН СССР, 1990. 46 с.
 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Издательство Питер, 2002. 720 с.
 Симония Н.А. Избранное. М.: «Издательство «МГИМО-Университет», 2012. 762 с.
 Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с.
 Фукуяма Ф. Конец истории? Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>
 Шальнев В.А., Талалакина А.А. Географическое пространство; сущность, проблемы и пути решения // Вестник Ставропольского университета. 2011. № 77.
 Шунер В.А. Похищение теоретической географии (по поводу статьи В.Л. Каганского) // Известия РАН. Серия Географическая. 2010. № 2. С. 112-119.
 Экономическая и социальная география: Основы науки. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с.

References:

Collins, R. Makroistoria: Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti. (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Duration) Moscow: URSS: LENOAND. 2015. 504 p.
 Dergachev, V.A.; Vardomskii, L.B. Regionovedenie (The Regional Studies). Moscow, 2012, 519 p.
 Derlug'ian, M.G. Samyi neudobnyi teoretik. (The Most Inconvenient Theorist). In Wallerstein, I. Mirosistemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS:LENOAND, 2018, pp. 5-42.
 Ekonomicheskaia i sotsial'naia geografiia: Osnovy nauki (Economic and Social Geography: Fundamentals of Science). Moscow: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2004. 400 p.
 Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.
 Fukuyama, F. Konets istorii? (The End of History). Mode of access: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>
 Golubchik, M.M.; Evdokimov, S.P.; Maksimov, G.N.; Nosonov, A.M. Teoriia i metodologiia geograficheskoi nauki (Theory and Methodology of Geographical Science). Moscow: Vlados, 2005. 463 p.
 Kirchanov, M.V. Sovetskaia geografiia kak nauchnaia «prarodina» sovremennogo rossiiskogo regionovedeniia (problema genezisa regionovedcheskikh issledovani) // Regional'nye issledovaniia (Soviet Geography as a Scientific "Ancestral Home" of Modern Russian Regional Studies (The problem of the Genesis of Regional Studies) // Regional'nye issledovaniya, 2015, N1(47), pp.153-159.
 Kireev, A.A. Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia. (The

Concept of "Region" and Subject-Methodological Problems of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, No. 1, pp.18-32.

Lenin, V.I. Imperializm, kak vysshiaia stadiia kapitalizma (Imperialism as the Highest Stage of Capitalism) // *Lenin, V.I.* Poln. sobr. soch. Vol. 27, pp. 299-426.

Lenin, V.I. Materializm i empiriokrititsizm (Materialism and Empiriocriticism) // *Poln. sobr. soch. (Full. Coll. Op.)*. Vol.18. 521 p.

Lenin, V.I. Ob otnoshenii k burzhuznym partiiam (On the Attitude to the Bourgeois Parties). *Poln. sobr. soch. (Full. Coll. Op.)* Vol. 15, pp. 368-388.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies)/Ed.by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.

Rodoman, B.B. Ob'ektivnye protsessy formirovaniia arealov i ratsional'naia organizatsiia territorii dlia okhrany prirody i rekreatsii (Objective Processes of Formation of

Areas and Rational Organization of the Territory for Nature Protection and Recreation). Diss. Moscow: IG AN SSSR, 1990. 46 p.

Rubinshtein, S.L. Osnovy obshchei psikhologii (Fundamentals of General Psychology). Saint-Petersburg Publishing house "Peter", 2002. 720 p.

Shal'nev, V.A.; Talalakina, A.A. Geograficheskoe prostranstvo; sushchnost', problemy i puti resheniia. (Geographical Space; Essence, Problems and Solutions) // *Vestnik Stavropol'skogo universiteta*, 2011, No. 77.

Shuper, V.A. Pokhishchenie teoreticheskoi geografii (po povodu stat'i V.L. Kaganskogo) (Abduction of Theoretical Geography (on the Article by V.L. Kagansky) // *Izvestiia RAN. Seriya Geograficheskaiia*, 2010, No. 2, pp. 112-119.

Simoniia, N.A. Izbrannoe (Selected Works). Moscow: «Izdate'l'stvo «MGIMO-Universitet», 2012. 762 p.

Wallerstein, I. Mirosystemnyi analiz. Vvedenie. (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039

ON THE OBJECT-SUBJECT FIELD OF REGIONAL STUDIES AND ITS PLACE AMONG OTHER SCIENCES

Vadim V. Makarenko

Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 06.07.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 25.11.2019</p> <p>About the author: Candidate of Economics, Head of the Department of Regional Studies, MSLU e-mail: makarenko.vadim@yandex.ru</p> <p>Key words: regional studies; regionalism; world-system; geographical environment; geosocial object</p>	<p>Abstract: The article is devoted to one of the most urgent problems of regional studies – the definition of the object-subject field of a new discipline. This article discusses the object and subject of research in regional studies, the relationship between regional studies and regional studies. Interest in this problem is due to the formation of theoretical regional studies and regional studies proper as a new direction of science. The author proposes to consider the region as a concept that reflects the most important properties of all types of phenomena – regions, territories, countries, associations of countries and the world as a whole - as geosocial systems. Despite the independence of countries as actors on the global stage, they are all integral parts of the world-system, being closely associated with it, as well as within themselves, by countless transactions that are collectively constituting the essence of the region, which in reality is a territorially determined (sub)system of division of labor. All local subsystems are hierarchically integrated into the world-the system of which they are genuine parts. The world-system is of maximum size of the object in regional studies, depending on which are subordinated all the problems of regional studies.</p>
---	--

Для цитирования: Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // *Сравнительная политика*. – 2019. – №4 – С. 12-33.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039

For citation: Makarenko, Vadim V. Ob ob'yektno-predmetnom pole regionovedeniya i yego meste v ryadu drugih nauk (On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among other Sciences) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 12-33.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039